

Ключевые слова в трилогии А.К. Толстого

© Н.В. МАДИГОЖИНА,
кандидат филологических наук

Автор показывает важность лексики со значением правильного, прямого пути в трилогии А.К. Толстого. Эта «геометрия» пути прежде всего связана с образом Бориса Годунова.

Ключевые слова: власть, нравственность, путь прямой, кривой, окольный.

The author shows the importance of vocabulary with the meaning the right path in the trilogy by A.K. Tolstoy. This <<geometry>> of the path is primary associated with the image of Boris Godunov.

Key words: power, morality, path direct, curve, roundabout.

Трилогия А. К. Толстого, состоящая из трех пьес: «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Федор Иоаннович» (1868), «Царь Борис» (1870), связана между собой не только общими проблемами, образами, персонажами, но и ключевыми словами. Рассмотрим, как одна из основных историко-философских идей А. К. Толстого выражается в «сквозной» лексике, которая формирует ключевые образы *кривого, окольного и прямого* пути.

В начале пьесы «Смерть Иоанна Грозного» показан закат правления царя Ивана IV. У писателя нет сомнений в том, что «путем кровавым» Россия больше двигаться не должна. Путь Грозного — это зигзаг, кривая линия: периоды кровавых казней чередуются с временами затишья и покоя. И это путь исторически тупиковый.

На смену Ивану Грозному приходит царь Федор, ничем не похожий на своего батюшку — добрый, кроткий, любящий, терпеливый... почти святой. Вот, казалось бы, прирожденный государь, который сможет повести Русь прямым путем к свету и правде. Он знает завещанный Богом Путь, но как всех «согласить» и как все «сгладить», *выровнять* — он не понимает. Толстой писал, что его Федор — это человек, «наделенный от природы самыми высокими душевными качествами, при недостаточной остроте

ума и совершенном отсутствии воли» [1. С. 497]. Ясно, что в этом случае власть должна была перейти к тому, кто мог и хотел ею воспользоваться. Претендентов на власть было немало, но ближайшим к трону оказался брат любимой жены Федора, Борис Годунов, с образом которого и связана главная идея всей трилогии.

Тот путь, который избрал себе Борис, неоднократно называется «окольным» самим Годуновым и его сторонниками. Эта формулировка появляется уже в романе «Князь Серебряный». Один из бояр так характеризует Годунова: «Никогда не суется вперед, а всегда тут; никогда не *прямит*, не перечит царю, идет себе *окольным* путем <...>. Кругом его кровь так и хлещет, а он себе и чист и бел, как младенец, даже и в причину не вписан...» [2. С. 268. Курсив здесь и далее наш. — Н.М.]. Конечно, сравнение хитрого Годунова с младенцем не лишено иронии, для читателя здесь есть и напоминание о будущем злодействе Бориса. Но пока Годунову окольным путем нередко удаётся удержать царя-деспота от очередного злодеяния.

Серебряный напоминает былинного богатыря, для которого годится только «дорожка прямоезжая», потому что его враг внешний, очевидный. И положительный герой исторического романа спасался только тем, что большую часть времени воевал, а не был «окольным» у царя. Стоило благородному князю попасть ко двору, как он едва не простился со своей головой. На рассуждения Серебряного о том, что всегда лучше правду сказать, Годунов возражает: «Кабы стал я перечить царю, давно бы меня здесь не было, а не было б меня здесь, кто б тебя вчера от плахи спас?» [Там же. С. 307].

Серебряный вскоре попадает в тюрьму, а Борис продолжает оставаться возле царя, не утерев его благоволения и доверия, при этом Годунов помогает и опальному князю. Разговор, состоявшийся между Борисом и Никитой Романовичем в последних главах романа, кажется, служит окончанием их постоянного спора. «Так ты меня уж боле не винишь, князь, что я не *прямою*, а *окольную* дорогой иду?» — «Грех было бы мне винить тебя, Борис Федорыч...» [Там же. С. 477]. В этот момент может показаться, что А. К. Толстой хочет убедить читателя в том, что бывают эпохи и ситуации, когда нужно действовать с оглядкой, даже где-то лукаво, если хочешь чего-нибудь добиться для себя или своих единомышленников. Но отметим, что главный герой, хотя и согласился с Годуновым, сам для себя все-таки возможности «окольного пути» не принял: «... теперь я вижу, куда ты *гнешь*, и понимаю, что по-твоему делать лучше. А я б и хотел, да не умею <...> я бы только даром душой *кривил*» [Там же]. Серебряный в разговоре употребляет слова *окольный* и *кривой* как синонимы, в этом же ряду стоит и глагол *гнешь*. А Годунов считает, что путь кривой — это тот, при котором человек имеет в виду только личное благо, а путь окольный предполагает благородную цель с неизбежными отклонениями от прямого пути

в случаях крайней необходимости. Именно «окольный путь» Годунова к власти А. К. Толстой подробнее всего проследивает в своей трилогии.

Все три пьесы были написаны в разгар реформ Александра II, и читателю XXI века может показаться наивной вера писателя в то, что в государственной политике есть один верный Путь, при котором благие цели достигаются только высоконравственными средствами, а «правильная» политика не может быть построена на лжи и двоемыслии, не говоря уж о деспотизме и жестокости. В трилогии не только в каждой из пьес есть персонажи, чья жизнь символизирует возможность прямого и светлого Пути, но в принципе все герои знают, каков он, этот путь (предопределенный, безусловно, Писанием), и только большинство людей сознательно по разным причинам уклоняются от него.

В пьесе «Смерть Иоанна Грозного» прямой путь представляет собой боярин Никита Романович Захарьин. Конечно, не случайно, что Серебряного автор сделал его полным тезкой. Но в проектах постановки пьесы драматург напоминает, что хотя Захарьин и почти идеальный персонаж, в нем должна чувствоваться «доля апатии»: «В том-то и проклятие времен нравственного упадка, что они парализуют лучшие силы лучших людей» [С. 466]. Кому же захочется перечить царю, если родовитый боярин Сицкий будет казнен всего лишь за то, что отказался просить царя остаться на престоле, когда тиран вроде бы сам собирался отречься от власти.

Иван IV устраивает в начале пьесы спектакль с угрозами уйти в монастырь, а Сицкий предлагает в государи Захарьина: «У царского кровавого престола / Он тридцать лет стоит и чист, и бел... / И стелется пред нами жизнь его / Без пятнышка, как снежная *равнина!*» [С. 16]. Заметим, что, хотя первостепенными здесь являются цветковые эпитеты, играют свою роль и пространственно-геометрические образы. Грозного Годунов сравнит позднее с высокой *горой*, которую ему приходилось обходить, правление Федора будет ассоциироваться с *провалом*. А Захарьин напоминает соратникам равнину, по которой только и можно идти прямым путем. Он весь виден и понятен, он никогда не кривит душой и просто удивительно, что государь до сих пор щадил своего «старого шурина».

Многие просят Захарьина принять власть, но тот обращается за советом к Годунову, признавая, что в сложной ситуации «*уклончивой мудростью*» Бориса можно добиться большего, чем прямым словом таких, как он. Знатные бояре вынуждены обратиться за помощью к «татарину», и это нравится далеко не всем; реплики, звучащие «в сторону», — не в пользу Годунова. Любопытно, что многие из них содержат слова, связанные с кривыми линиями. Один боярин спрашивает: «Куда он *гнет?*». Второй отвечает: «Хвостом *вертит!*». Третий называет Бориса «вьюном». [С. 19]. Почти все уверены, что Годунов действует в личных интересах, и все его слова — от *лукавого* (как известно, одно из значений слова «лука» — кривизна). Только Захарьин утверждает, что «*уклончивая мудрость*» Бориса — дар господа,

а не бесовское искусство. Никита Романыч понимает, что путь хитрого царедворца сейчас единственно возможный, но все же предостерегает, что «опасен / *Окольный* путь бывает для души!» [С. 42]. На что Годунов отвечает Захарьину: «Как рад бы я, отец мой, без *уклона* / Всегда вперед идти *прямым* путем! / Но можно ль мне?» [Там же].

Отметим, что Годунов и Захарьин употребляют определения *окольный* и *уклончивый* как синонимы, и при этом для них обоих такой образ действий вовсе не равнозначен *кривому*. Это лишь обходной путь ради достижения конкретной цели, и надо только вовремя вернуться на прямую дорогу с минимальными потерями для чистоты души.

Когда на сцене появляется царь, Борис под впечатлением разговора с Захарьиным делает попытку воздействовать на государя открыто. Грозный немедленно отклоняет все доводы Бориса, который после говорит: «Вот он, / Тот путь *прямой*, которым мне Захарьин / Идти велит! На первом он шагу / Мне властью царицы, как стеною, / Пересечен! ... / Легко тебе, Никита / Романович, идти *прямым* путем! / Перед собой ты не поставил цели!» [С. 46].

Годунов уверен, что есть только две возможности: либо остаться *чистым* и *белым*, отказавшись от трудностей и соблазнов борьбы, либо позволить себе где-то схитрить. Борис принципиально избегает слова *кривой* даже в разговоре с самим собой, а вот глагол *лукавить* его почему-то не смущает.

Захарьин напомнил Борису об опасности окольного пути, но никаких средств и способов высоконравственной борьбы с хитростью и подлостью он придумать не может. В конце первой драмы положительный герой недоволен тем, что Годунов устраняет своих врагов и обвиняет Бориса в неоправданном уклонении от прямого пути. Умер страшный царь, но Годунову не удалось остаться в «белых одеждах». Впрочем, и сейчас он не царь на троне, он опять зависит от приказов и настроений нового, теперь уже слабого, правителя.

Драма «Царь Федор Иоаннович» начинается со сцены, в которой несколько духовных лиц, купцов и бояр во главе с князем Иваном Петровичем Шуйским организуют заговор против Годунова. Заговор состоит в том, чтобы развести царя Федора с женой, сестрой Бориса, и таким образом ослабить влияние «татарина» на государя. Шуйский понимает, что неблагородно действовать против умной, доброй, любящей Ирины, и поэтому неоднократно повторяет: «Мой путь *не прям*». Он успокаивает свою совесть тем, что бесчестный поступок делается для блага страны: «...мой путь *не прям*, – / Но пятиться не стану. Лучше пусть / Безвинная царица пропадет, / Чем вся земля!» [С. 153].

И Иван Шуйский пытается обосновать неизбежность временного ухода честного человека с прямого пути: «Мой путь *не прям*. Сегодня понял я, / Что чистым тот не может оставаться, / Кто борется с *лукавством*...» [С. 158]. Но первый же шаг с прямой дороги погубит наивного героя, к тому же он

будет считать, что это Бог его наказал за то, что он помыслил действовать против святого царя и кроткой царицы. [С. 266].

В этот опасный момент Годунов предлагает мир своим врагам, и этот его «порыв», конечно, всецело поддерживает царь Федор. Шуйский колеблется: «Не первый раз, боярин, хитрой речью / *Обходишь* ты противников своих...» [С. 182]. Глагол *обходить* в ту эпоху имел то же значение, что «обманывать» [3. С. 134], но автор, конечно, не случайно предпочел это слово, напоминающее об окольном пути.

Переводчик Н. Любимов писал, что представляет речь Бориса «полноводной рекой с изредка крутящимися воронками» [Там же. 141]. Вот в эти словесные «круги водоворота» и затягивает Годунов своих оппонентов. Автор трилогии делает речь Годунова образной и многозначной, но Годунов — не поэт, а политик, неоднозначность его речи лукава: она дает возможность говорящему в нужный момент от какого-то из смыслов отказаться.

Чтобы лучше понять замыслы своих врагов, «татарин» клянется на кресте в примирении с Иваном Шуйским и его сторонниками, используя такую формулировку: «Ничем не мстить за прежние вины!» [С. 184]. Наивный Федор не скрывает радости: «Вот это значит: *прямо* / Писание исполнить!» [С. 184]. Но вот уж чего нет в клятве Бориса, так это прямо-ты. Формулировка заведомо двусмысленна. Такую речь, которую можно было истолковать двояко, в те времена называли «окольной речью» (поэтому слово «околесица» в Словаре В. И. Даля имеет не только значение «бессмыслица», но и речь с намеками, «окружная». Конечно, скоро находят не прежние, а новые проступки, за которые Годунов и отправляет своих врагов в тюрьму. Ивану Шуйскому кажется, что теперь всем ясна лживая сущность Бориса: «Он сам себя позорным делом выдал! / Избавил нас отыскивать средь тьмы / *Кривых* путей!» [С. 207].

Василий Шуйский пожимает плечами, слушая дядю: «Знай, думает, я *прав*, / Так съем *неправого*, — младенец суший!» [С. 209]. Иван Шуйский указывает царю на то, что Годунов «честный крест на *криве* целовал» [С. 152] («на криве» означало «лживо»). Но Федор мечтает о примирении противников и убеждает себя, что бояре «не поняли друг друга». Лишь ультимативное требование Годунова устранить Шуйских едва не становится для самого же Бориса роковым, но *кривой* шаг Шуйского, решившего, как мы помним, предать Ирину, позволяет одержать на этот раз верх Годунову.

Б. Реизов справедливо отметил, что, хотя в пьесе Годунов и Иван Шуйский противопоставлены друг другу, в нравственном смысле их пути сходятся. Шуйский «тоже ради блага государства вступил на окольный путь, следуя все той же теории государственной необходимости и цели, оправдывающей средства» [4. С. 158]. Но Шуйский, в отличие от Годунова и Захарьина, использует слова «окольный» и «кривой» уже как синонимы. Он говорит, что не хочет обманывать себя, доказывая, что его руки

чисты и сам он безгрешен. Иван намерен с полным осознанием своей вины принести в жертву женщину святой души и святого царя.

В этой пьесе представительницей «прямого пути» является Ирина. Брат и сестра в нескольких диалогах сожалеют о том, что их пути *разошлись*. Ирина все поступки рассматривает в первую очередь с нравственной точки зрения и не считает возможным подсчитывать количество блага, порожденного злом. Она в принципе не верит, чтобы «дело кровавое пошло для царства впрок», поэтому отказывается помогать Борису заключить Шуйских в тюрьму. И последующие события доказывают ее правоту.

Когда Федору сообщают, что князь Иван Петрович «сею ночью петлей удавился», царь в ужасе спрашивает у Годунова: «Ты ведал это?» Ответ Бориса таков: «Бог / Свидетель мне – не ведал» [С. 279]. Возможно, Годунов действительно не знал о смерти противника, и слишком поторопились сторонники Бориса, а, возможно, что и эта формулировка уклончива... А. К. Толстой не настаивает на его вине в этом преступлении. Но в это время еще и прибывает гонец из Углича со страшной вестью: царевич Дмитрий в падучем недуге упал на ножи и закололся. Эту страшную «вину» А. К. Толстой, вслед за Карамзиным, признает за Борисом, хотя большинство историков XX – начала XXI века считают и этот факт недоказанным и сомнительным.

Хотя к этому времени «окольный путь» Годунова уже достаточно дискредитирован всем произошедшим, но автор трилогии не хочет возлагать всю вину на одного человека. Не менее, по убеждению А. К. Толстого, виноват и царь: «Через свою нерешительность Федор делается причиной страшных событий <...> Трагическая его вина – это исполнение власти при совершенном бессилии» [С. 495]. Глядя на мужа, даже Ирина понимает: «Свет государь, нет выбора тебе; / Один Борис лишь царством *править* может...» [С. 283].

И Годунов говорит сестре удовлетворенно: «Пути *сошлись* наши!». Ирина же отвечает: «О, если б им *сойтись* не довелось!» [Там же]. Вскоре Годунов получает полную власть в свои руки и может заняться, наконец, не интригами, а политикой и экономикой страны. Но власть получена страшной ценой – и это не пройдет бесследно ни для Руси, ни для самого Бориса.

В самом начале драмы «Царь Борис» показано, что за время правления Годунова многое изменилось к лучшему на Руси. Герой в своем монологе подводит черту под тем, что совершил ради восхождения на престол: «Кто может осудить / Меня теперь, что не *прямой* дорогой / Я к цели шел?.../ Могу теперь идти стезею *чистой*!» [С. 309]. Здесь определение «*чистой*» снова звучит неоднозначно: просвечивает и тот смысл, что после того, как дорога очищена от препятствий, можно идти путем прямым и «белым».

Борис убеждает себя в том, что он прервал связь с прошлым, однако призрак собственного злодеяния неуловимо преследует его. Ирина

утверждает, что всей жизнью Борис должен искупать смерть Дмитрия и не прощать себе преступление, сколько бы времени ни прошло и к какому бы благоденствию брат ни привел страну. Но Годунов не согласен принципиально. Он убежден, что абсолютно чистым может остаться только тот, кто не находится у власти, а государственный деятель всегда вынужден лукавить. Разница лишь в том, во имя чего он совершает насилие: для себя или для того, чтобы «тьмы людей счастливыми сделать» [С. 319]. То есть Борис настаивает на арифметическом подсчете: тьмы людей против одного ребенка.

Б. Реизов пишет: «Будучи законным царем, Борис был бы государем идеальным. Он не стал бы совершать ни преступлений, ни жестокостей...» [4. С. 161]. Но разве только приход к власти требует нравственных жертв?! Вспомним сцену, в которой Федор Иоаннович, доведенный до отчаяния, произносит такие слова: «...Не вдруг отец покойный / Стал грозным государем! Через *окольных* / Он грозен стал – вы вспомните его!» [С. 279]. Хотя слово *окольный* в ту эпоху имело значение «приближенный царя», в контексте пьесы оно приобретает и другой смысл. Бояре, окружавшие царя, лгали и плели заговоры, поэтому государь вынужден был выправлять их поступки. Слово *право* изначально имело смысл «прямо», «истинно». Поэтому правде противопоставлялась *кривда* или *крива* [5]. Править государством – означало вести его к благоденствию прямым путем. Конечно, не в характере Федора было выполнять свои угрозы, но понятно, что иногда и добрейшему государю может показаться, что без насилия уже не выйти на правый, прямой путь.

Тем не менее, дальнейшие события пьесы «Борис Годунов» подтверждают точку зрения Ирины, которая в принципе не приемлет насилия. Тень прошлого перечеркнет все, что было сделано Годуновым для блага страны. В финале пьесы Борис обнаружит, что окружен лукавыми царедворцами и он сам перестал быть добрым правителем. Его опять «стеснили» с прямой дороги на скользкие тропы подозрительности и жестокости, а «от зла лишь зло родится». Годунов понимает, наконец, что *окольный* путь и *кривой* – это одно и то же. Свой жизненный путь он сравнивает с кругом: «Сдается мне, я шел, все шел вперед / И мнил пройти великое пространство, / Но только *круг* огромный очертил...» [С. 421]. А круг – это сомкнутая кривая, согласно Словарю В. И. Даля. Зло не может обернуться благом, даже если оно совершено не для себя, а для процветания государства.

Перед самой смертью Годунов передает престол сыну Федору, чья душа не испорчена, как у самого Бориса, «мудрствованьем ложным». Теперь Борису кажется, что «мудрствованье» – от лукавого. Его сын Федор чист и *прям* – значит, он сумеет вести страну по «ясному пути». К концу пьесы становится очевидным, что для правителя, по мнению А. Толстого, выбор путей ограничен не тремя, а двумя вариантами, хотя необходимость

окольного пути признавал в какой-то момент даже такой идеальный персонаж, как Никита Захарьин.

«Прямой путь» в тексте наделяется также определениями *правый, чистый, белый, ясный, ровный, светлый, божий*. «Кривой» — это *кровавый, окольный, обходной, уклончивый, лукавый, блудный, окружной, скользкий*. На такой путь нельзя ступать, несмотря на то, что «теснить», сталкивать туда государя жизненные обстоятельства будут постоянно.

В трилогии именно лексика, связанная с описанием геометрии пути, является сквозной для всех трех пьес, отражая ту систему понятий, на которой выстраивается философия истории А. К. Толстого.

Литература

1. Толстой А. К. Собр. Соч. В 4 т. М., 1969. Т. 3. С. 497. Далее указ. только стр.
2. Толстой А. К. Избранные произведения. М., 1970.
3. Любимов Н. Несгораемые слова. М., 1983.
4. Реизов Б. О драматической трилогии А. К. Толстого // Русская литература. 1964. № 3.
5. Вороничев О. Е. Лексические средства создания речевого колорита эпохи. // Перестройка и научный прогресс. Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 60-летию БГПИ. Гуманитарные науки. Брянск. 1990. Кн. 2. С. 161–163.

*Гимназия № 3
Дубна Московской обл.*